

Печальная история Онегина — это красноречивый рассказ о самых первых шагах русского сознания по пути ухода от Бога. Это первый акт исторической драмы блудного сына, русского скитальца, экзистенциального девианта, понадеявшегося на свои силы, но не рассчитавшего их, заблудившегося в смыслах бытия и в результате потерпевшего сокрушительное жизненное фиаско.

(В. Бачинин “Евгений Онегин как религиозный тип”).

Начало романа “Евгений Онегин” у образованного тогдашнего читателя с ходу вызывало несколько литературных референсов: и с романами “парадоксальнейшего автора” — знаменитого английского писателя XVIII века Лоренса Стерна, и с басней Крылова “Осёл был самых честных правил”, и с байроновским Чайльд-Гарольдом — путешественником скуки ради. Близкие друзья и родные поэта могли связать начало романа с сообщениями о мнимой смерти его дяди Василия Львовича Пушкина, которые рассылались его приятелями несколько раз: в 1815-м, 1818-м и в 1821 году. Пушкин, начав роман в 1923 году, знал об этом и, может быть, подмигнул таким образом шутникам в первой строчке.

Но есть ещё одна книга, которая также заметно отразилась в первых строках романа “Евгений Онегин”. Это средневековая легенда о докторе Фаусте, что была весьма популярна в средневековой Европе, интерпретированная разными авторами ещё до знаменитого романа Гёте. “Народная книга” — записанная легенда о докторе Фаусте, заключившем сделку с тёмными силами, — была переведена на французский язык и входила в большую серию книг под общим заглавием “Всеобщая библиотека романов” (“Bibliothèque Universelle des Romans”), которая выходила в Париже периодически, небольшими томиками (в 12-ю долю листа, в среднем по шестнадцати томиков в год) в течение довольно долгого времени (1775—1789); всего за это время вышло в свет 224 тома серии, а с дополнительными томами полная их коллекция состоит более чем из 300 книг.

Итак, немецкая народная книга о Фаусте, изданная книгопродавцем Иоганном Шписом во Франкфурте-на-Майне в 1587 году, правда, в поздней и сокращённой французской переделке была в личной библиотеке А. С. Пушкина. О том, что она была в руках Пушкина, свидетельствует несколько закладок, собственноручно вложенных поэтом в эту книгу.

В самом начале “Народной книги” рассказывается о некоем молодом человеке по имени Фауст, которого усыновил его дядя, передав племяннику своё имущество. “Доктор Фауст занимал дом своего благочестивого дяди, и был этот дом ему отказан по завещанию”. Фауст, пройдя обучение на врача, устроил в доме дяди место для своих тёмных месс – там совершалось общение с силами тьмы. Горожане называли этот дом странным и страшным. Там происходило “нечто дурное”.

Тема инферальности образа Евгения Онегина мало обсуждалась литературоведами, хотя сам Пушкин дал о ней знать в сне Татьяны. Метафизическая символика сновидения перекликается с картинами Иеронима Босха, где мир, покинутый Богом, оставлен на произвол судьбы и потому пребывает во власти тёмных сил. Мирок, распахнувшийся перед Татьяной, такой же страшный. В его ночном пространстве так же, как и у Босха, нет знаков присутствия Бога, оно заполнено всякой нечистью, силами тьмы и смерти, омерзительными и зловонными чудовищами. Художественная семантика образов сна у Пушкина соотносится с описанием отвратительных чудовищ в “Народной книге”, которые уже не во сне, а наяву являлись “великому грешнику и богоотступнику” доктору Фаусту.

В сне Татьяны фантастическое видение – это пророчество, открывающее ей тайну демонического начала, присутствующего в природе и личности Онегина. Через ночной кошмар она как будто заглянула в душу Евгения и увидела там демонов беззакония и убийства. В сне Татьяны Онегин, “сей надменный бес”, – это персонификация малой степени демонизма, его пока ещё слабая личностная форма. Впоследствии в следующих поколениях литературных героев (Печорин, Ставрогин и др.) мера демонизма будет неуклонно возрастать.

Но всё же пушкинский герой – не Фауст. В Татьянином сне Онегин предстает в роли повелителя бесов, что, однако, не делает его одним из них. Он над ними, ибо они подчиняются его командам: “Он знак подаст – и все хохочут” и т. д. При всём при том он властвует именно над бесами, то есть наделён демонической силой, силой от демона. Однако для Татьяны в ситуации “другого мира” он не опасность, а защита.

Позднее, уже после отъезда Онегина, её размышления о его “природе” продолжатся в его кабинете за чтением книг, когда она снова не знает, кто он:

*Созданье ада иль небес,
Сей ангел, сей надменный бес...*

Не мною замечено, что соседи-помещики, собравшиеся на праздник именин в дом Лариных, весьма напоминают монстров Татьяниного сновидения. В своём сне Татьяна словно предвидит, что в будущем на неё будут претендовать “чудовища” в человеческом обличье – “уездный франтик Петушков”, задорный Буянов, гусар Пыхтин. Их предложение руки и сердца “коррелируют” с желанием бесов сделать её своей. Но избранником Татьяны в обоих мирах – инферальном и человеческом – остаётся Онегин. Любовь Татьяны роковая, пожизненная, и никуда ей от неё не деться.

Любовь обрывается в самом начале, ей не суждено осуществиться. Вещий сон Татьяны верно предсказал грядущие события. Онегин станет убийцей “её брата”, так она называет Ленского, жениха своей сестры.

Пока же Татьяна загодя, с упреждением открылась устрашающая тайна онегинской личности, его хотя и скрытая от окружающих, но несомненная вовлечённость в инферальный мир зла.

До поры до времени эта вовлечённость была в каком-то смысле тайной и для самого Онегина. Он не отличался ярко выраженной врождённой порочностью природы и не подозревал о собственной опасной близости к инферальному “подполью”. Просто у него отсутствовали защитные механизмы, которые бы надёжно оберегали его внутренний мир от проникновения в него мира демонического.

Воспитание, окружение сыграли в этом свою роль и усугубили эту беззащитность. Европейская мода во всех её формах и проявлениях, в том числе в виде интеллектуальной моды на вольтерьянство и английский скептицизм, пропитала его насквозь и духовно обезоружила.

Европейская культура, литература, философия первой половины XIX столетия всё более становились средствами, подталкивавшими человека к самоотстранению, самоотчуждению от Бога. По этой причине европеизированное сознание Онегина пребывало в существенном отдалении от христианства и продолжало удаляться от него. Если Татьяна была “русская душой”, то про Онегина никак не скажешь, что он был “русский душой”.

Его душа, максимально европеизированная французским воспитанием и петербургской жизнью, пребывала в отдалении от национального духовного бытия. Бездумным материализмом он заразился от своих учителей и воспитателей, среди которых одну из главных ролей сыграл “француз убогой”, пустой, легкомысленный атеист. В отцовской библиотеке Пушкина – прототипа Онегина – было много книг по нехристианской, масонской мистике, которые он читал. Впрочем, про религиозность Онегина Пушкин не распространяется, но можно ли с полной уверенностью вменить ему полное безразличие к вопросам религии? Во всяком случае, церковь, вера, учение Христа оказались далеко за пределами онегинского мира.

Опасные соблазны, вторгающиеся в пределы онегинского “я”, не встречали с его стороны должного сопротивления. Именно поэтому зло временами одолевало его, овладевало им, как это случилось с демоническим искушением, подтолкнувшим его к ссоре с Ленским, а затем и к убийству приятеля, не сделавшего ему ничего дурного.

* * *

Прекрасные картины весны и лета – пасторальные, милые, лёгкие. В этих лугах и лесах Татьяна находит дом Онегина.

... Вступление Татьяны в дом Онегина при лунном свете – “Шла, шла...” при свете луны, – с нападением дворовых собак напоминает о страшных сказках: “Сказке о Мёртвой царевне” или о Синей Бороде...

Она ещё придёт сюда, но вот этот первый взгляд Татьяны на его комнату, его вещи – именно её глазами мы видим панораму кабинета Онегина – уже многое расскажет о его обитателе:

*И стол с померкшею лампадой,
И грудa книг, и под окном
Кровать, покрытая ковром,
И вид в окно сквозь сумрак лунный,
И этот бледный полусвет,
И лорда Байрона портрет,
И столбик с куклою чугунной
Под шляпой с пасмурным челом,
С руками, сжатыми крестом.*

Лампада не зажжена, потому что этот “храм” сейчас пуст. На алтаре – идол, кукла чугунная, символ человеческой гордыни – Наполеон, ставший для человека XIX тем, кем был для средневекового Фауста Мефистофель. Гордыня и inferнальность – две стороны одной медали...

Как пишет автор “Народной книги” о Фаусте: “В тот самый час отступился этот безбожный человек от своего Господа и Творца, сотворившего его, и стал частью окаянного дьявола. И это отступничество его есть не что иное, как его высокомерная гордыня, отчаяние, дерзость и смелость, как у тех великанов, о которых пишут поэты, что они гору на гору громоздили и хотели с Богом сразиться, или у злого ангела, который ополчился против Бога, и за это, за его гордыню и высокомерие, прогнал его Господь. Ибо кто дерзает подняться высоко, тот и падает с высоты”.

Тема Наполеона и Мефистофеля у Пушкина соединится ещё в “Пиковой даме” – Герман был “лицо истинно романтическое: у него профиль Наполеона, а душа Мефистофеля”... И образ Онегина, который поклонялся идолу, кукле со скрещенными руками, сияет после такого прояснения новыми красками... Онегин не просто лишний человек, романтический скучающий путешественник – это герой inferнального плана, при своей гордыне и в условиях безверия вступивший на дорогу, ведущую в дом доктора Фаустуса.

И сравним реплику “Мне скушно, бес!” из “Сцены из Фауста” с постоянной хандрой Онегина... Это уже не просто пресыщенность богатого эгоистичного аристократа... Состояние Онегина с духовной точки зрения – падение и отторжение... Его тоска – как следствие духовного заболевания...

*И начинает понемногу
Моя Татьяна понимать
Теперь яснее — слава Богу —
Того, по ком она вздыхать
Осуждена судьбою властной:
Чудак печальный и опасный,
Созданье ада иль небес,
Сей ангел, сей надменный бес,
Что ж он? Ужели подражанье,
Ничтожный призрак, иль еще
Москвич в Гарольдовом плаще,
Чужих причуд истолкованье,
Слов модных полный лексикон?..
Уж не пародия ли он?*

Пародия на модный образ, персонаж, зависимый от внешней воли и обстоятельств – противоположность свободной личности... В книге про Фауста герой, например, спрашивает у чёрта разрешения жениться. Продавший душу не свободен... хотя поражает окружающих своеволием...

Конечно, не сравнится Онегин с Фаустом в степени inferнального поражения, очевидная сделка с дьяволом Фауста (он подписал договор кровью) и бессознательное скольжение вниз, за своей гордыней Онегина – это разные вещи, да... Но убийство человека разве не вводит его в круг чудовищ, как будто сошедших с картин Босха... Фауст – сознательный грешник, Онегин – полубессознательный, его служение гордыне и идолу Наполеона не так умышленно, как проделки Фауста, изображённые средневековым писателем, но чудовища уже собрались...

Ещё раз поражаемся гению Пушкина – в ту пору мало кто из светских людей задумывался над вопросом о смысле жизни. Жили и жили – танцевали на балах, стрелялись на дуэлях, а Пушкин в “энциклопедии русской жизни” по сути задаёт вопрос, есть ли третий путь: не Божий, не сатанинский, а человеческий, эгоистичный – просто есть, пить, книжки читать, на лошади скакать. По “Евгению Онегину” выходит, что нет никакого третьего пути. И жизнь как скольжение вниз, в которой не случается остановок для трезвой оценки себя и своего бытия, доведёт до судьбы Фауста... если вовремя не спохватиться...

У меня перед глазами встаёт картинка: на скоростном авторуте под Парижем навстречу нам неслось белое красивое авто, в котором за рулём ехала красивая дама с закрытыми глазами. Она спала за рулём... Прошло несколько лет, а я всё думаю, что же с ней стало... Шансов у неё было меньше, чем у неспящих, бодрствующих водителей...

А ведь любовь к Татьяне, оказывается, могла бы стать спасительной остановкой для души Онегина...